

УДК 343.9

doi 10.17072/2219-3111-2020-3-128-138

НОРМЫ И ПРАКТИКИ КОНТРОЛЯ НАД УГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СССР: ТЕНДЕНЦИИ «ОТТЕПЕЛИ»

Е. Ю. Зубкова

Институт российской истории РАН, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
elena.zubkova@mail.ru

Политика государства по отношению к асоциальному поведению граждан, в том числе к правонарушениям и криминалу, за годы советской истории менялась неоднократно. До середины 1950-х гг. главный вектор этой политики определялся репрессивной компонентой, во-первых, и, во-вторых, стремлением к социальной изоляции людей, совершивших правонарушения. Репрессивные практики, в том числе ужесточение уголовного законодательства, иногда являлись ответной реакцией на реальное ухудшение криминогенной ситуации (как это было после войны), но чаще власть и правоохранные структуры, не имея иного опыта реагирования на отклоняющееся от принятых норм поведение граждан, действовали по инерции, заранее рассчитывая на эффективность и даже упреждающую функцию «жестких» мер. Тем интереснее опыты периода «оттепели» по трансформации уголовной политики, разработке новых норм и практик социального контроля, что означало одновременно перестройку формата отношений между государством, обществом, с одной стороны, и маргинальными группами населения – с другой. После 1953 г., несмотря на всплеск криминальной активности, обозначился поворот в уголовной политике: происходит деполитизация значительной части правонарушений, акцент делается на анализе социальных причин преступности, политика изоляции социальных маргиналов сменяется попытками инкорпорировать их в «основное» общество. Новые тренды требовали соответствующего нормативного обеспечения, поэтому в этот период происходит интенсивное развитие правовой базы (разработка новых уголовных кодексов). В данной статье в контексте изменения норм и практик социального контроля периода «оттепели» рассматривается проблема уголовной преступности. Исследование ее представляет собой проблемный и методологический синтез, позволяющий объединить историографическую традицию изучения преступности в СССР и подходы к ее анализу в современной криминологии, девиантологии, социологии.

Ключевые слова: преступность, уголовная политика, социальный контроль, законодательство, включение/исключение, аутсайдеры, общественные настроения.

Проблема преступности в России/СССР давно привлекает внимание экспертов, ее разработку начали социологи, криминологи, юристы. Основные направления в развитии мировой криминологии и девиантологии представил в своем фундаментальном исследовании Я.И. Гилинский [Гилинский, 2004], преступность в XX в. – мировые тенденции и российский контекст – стали предметом анализа в монографии В.В. Лунеева [Лунеев, 1999]. Историки подключились к освоению криминального прошлого страны позднее, долгое время отдавая предпочтение дореволюционному периоду. Вместе с тем в современных исследованиях нашли освещение различные сюжеты, связанные с состоянием уголовной преступности и государственно-социального контроля над ней в XX в.: развитие уголовной юстиции и правоохранительной сферы в целом [Gorlizki, 1992; Elie, 2013; Пыжиков, 2003, 2005; Соломон, 1998; Ширер, 2014; Яцук, 2019], правонарушения как разновидность девиантного поведения [Гилинский, 2004, 2013; Лебина, 2015], криминальная субкультура [Elie, 2009; Добсон, 2014]. В ряде публикаций анализируются тенденции, возникшие в период «оттепели», среди которых лидирует тема реабилитации осужденных по политическим мотивам. Однако историки не обошли стороной и проблемы уголовной преступности, среди них амнистия 1953 г. и ее последствия [Adler, 2002; Sprau, 2018; Добсон, 2014; Эли, 2011], криминальные вызовы 1950-х–1960-х гг. [Lapierre, 2012; Козлов, 1999], нормотворческая деятельность и гуманизация уголовного законодательства [Пыжиков, 2003; Яцук, 2019], роль общественных институтов в практиках социального контроля над асоциальным поведением граждан [Gorlizki, 1998; Matsudo, 2015; Лебина, 2015; Пыжиков, 2005].

В 1990-е гг. и позднее эксперты, изучающие актуальную криминальную ситуацию, говорили о кризисе российской уголовной политики, «кризисе наказания» [Гилинский, 2004; Лунеев, 1999]. Известную трансформацию претерпел и понятийный аппарат отечественной криминологии: термин «борьба с преступностью» был признан не вполне корректным, отсылающим в первую очередь к репрессивным практикам («искоренение», «ликвидация») настоящего и особенно советского прошлого [Гилинский, 2013]. Вместо «борьбы» стало все более широко использоваться другое понятие – «контроль над преступностью» как одна из разновидностей социального контроля.

В данной статье в контексте изменения норм и практик социального контроля периода «оттепели» рассматривается проблема уголовной преступности. Исследование ее представляет собой проблемный и методологический синтез, позволяющий объединить историографическую традицию изучения преступности в СССР и подходы к ее анализу в современной криминологии, девиантологии, социологии.

Реформа уголовного законодательства. В 1953 г. новое кремлевское руководство обозначило одним из приоритетов своей деятельности восстановление «социалистической законности», предполагающее и гуманизацию уголовной политики [Добсон, 2014, с. 30–32; Пыжиков, 2003, с. 216–222]. Первым шагом на этом пути стала объявленная 27 марта 1953 г. широкая амнистия. Через месяц после кончины Сталина в «Правде» появилась статья с характерным заголовком – «Советская социалистическая законность неприкосновенна» (*Правда*, 1953, 6 апреля). Однако, как только инициаторы этой политики приступили к ее реализации, выяснилось, что «социалистическая законность», отраженная в реальной юридической норме, никак не может оставаться «неприкосновенной». Это касалось в первую очередь уголовного права. Юридическая практика строилась на «Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», принятых в 1924 г. Документ и действующие на его базовых принципах уголовные кодексы союзных республик находились в явном противоречии с объявленным тридцать лет спустя курсом на гуманизацию правоохранительной сферы.

Дискуссии о необходимости реформы уголовного законодательства начались уже в 1953 г. – в связи с проведением амнистии и особенно в контексте ее незапрограммированных последствий (всплеск криминальной активности, проблемы с адаптацией «возвращенцев» и др.). Однако реальная работа над проектом новых уголовных кодексов стартовала после того, как в 1956 г. была создана Юридическая комиссия при Совете министров СССР, ее возглавил профессиональный юрист, ученый А.И. Денисов [Яцук, 2019]. Согласно решению Президиума ЦК КПСС от 15 марта 1957 г. комиссия должна была представить проект Основ уголовного законодательства СССР [Пыжиков, 2003, с. 243–245]. Меньше чем через месяц – 5 апреля 1957 г. – проект был направлен в Совет министров СССР (ГАРФ. Ф. Р–8131. Оп. 32. Д. 5071. Л. 6–13).

Свою позицию авторы проекта обосновывали следующим образом: «Представленный проект исходит из необходимости дальнейшего укрепления социалистической законности, *усиления охраны личности и прав граждан* и в то же время обеспечения решительной борьбы с наиболее опасными преступлениями, усиления воспитательной роли наказания и создания возможности для лиц, отбывших наказание, *вернуться в нормальную колею* трудовой и общественной жизни» (курсив здесь и далее мой. – Е.З.) (ГАРФ. Ф. Р–8131. Оп. 32. Д. 5071. Л. 9). Главное в этой позиции, как и в проекте в целом, что, в общем, и определило смысл «оттепели», поворот к человеку, переориентация с интересов государства на интересы личности. Чтобы был понятен инновационный для советских реалий смысл этого поворота, достаточно вспомнить, как трактовалось понятие преступления в «Основных началах» 1924 г.: выделялись только две категории преступлений – «направленные против *основ советского строя*», отнесенные к категории «наиболее опасных», и «*все остальные преступления*» (Основные начала..., 1924).

В проекте 1957 г., как и в принятых в 1958 г. «Основах уголовного законодательства», интересы государства впервые в советской юридической практике уравнивались с интересами личности: «Преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, социалистическую собственность, личность, полити-

ческие, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок, общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом» («Основы уголовного ...», 1958).

По мнению экспертов Юридической комиссии, «Основные начала...» 1924 г. «устарели и во многом не соответствуют условиям и потребностям современного этапа развития советского общества и государства» (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5071. Л. 6). Главные претензии членов комиссии заключались в том, что существующие законодательные нормы не знают понятия вины, допускают чересчур вольное толкование санкций, например, привлечение к уголовной ответственности «по аналогии» за деяния, прямо не предусмотренные законом. В «Основных началах...» 1924 г. отсутствовало понятие «наказание» как правовая категория, оно было заменено другим, не юридическим по своей сути, – «мера социальной защиты». В числе таких мер предусматривалось объявление человека «врагом трудящихся» с перспективой лишения гражданства, изгнания из СССР, профессиональной дискриминации, лишения права на пенсию, ограничения в выборе места жительства.

В нормативных документах 1920-х гг. специально оговаривалось, что наказание не является «карой», «возмездием», а преследует цель «исправления» и «перевоспитания». До 1934 г. понятие «кара» в уголовном законодательстве не использовалось. Но уже в середине 1930-х гг. оно утвердилось и в правовой норме, и в судебной практике как «воспитательная» и «исправительная» мера (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5071. Л. 10).

Авторы проекта 1957 г. руководствовались другими принципами: цель наказания – не карать преступника, а предупреждать новые преступления (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5071. Л. 10). В проекте «Основ» (а потом и в уголовных кодексах республик) ликвидировалась категория «враг трудящихся» применительно к людям, совершившим правонарушения. Одновременно отменялась санкция высылки и лишения гражданства СССР, вместо неё предусматривалась возможность назначения судом дополнительного наказания в виде запрещения проживания в отдельных местностях.

Больше всего споров среди экспертов Юридической комиссии вызвали два вопроса – о *судимости* и *смертной казни*, о целесообразности их сохранения. Нормы образца 1924 г. включали институт судимости, при этом в него не вкладывалось определенное юридическое содержание и крайне ограничивались возможности погашения судимости, а значит, и последующей адаптации осужденных, вышедших на свободу (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5071. Л. 7). На этом основании из проекта «Основ» 1957 г. исключалось понятие судимости как состояния, дискриминирующего граждан (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5071. Л. 14). Свою позицию члены рабочей группы, занимавшиеся подготовкой проекта, аргументировали следующим образом: «Судимость как клеймо, остающееся на отбывшим наказанием, является серьезным препятствием для лиц, отбывших наказание, к возвращению к нормальной трудовой жизни. Самый факт осуждения в прошлом будет, конечно, приниматься во внимание при подборе кадров с учетом характера преступления, дальнейшего поведения лица, отбывшего наказание и т.п., исключается только механическое ограничение в правах» (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5072. Л. 50). В окончательном варианте «Основ» институт судимости был сохранен.

В процессе подготовки и обсуждения проекта некоторые эксперты настаивали на отмене смертной казни в мирное время. Они ссылались на решение 6-го конгресса Международной ассоциации юристов-демократов в Брюсселе (1956 г.), в котором приняли участие и советские юристы. Однако при окончательной редакции «Основ» Юридическая комиссия, указывая на «усиление шпионско-диверсионной деятельности империалистических государств», сочла целесообразным временно сохранить применение смертной казни за отдельные, особо тяжкие преступления: измену родине, шпионаж, диверсии, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах – и по ряду воинских преступлений (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5071. Л. 11).

В 1960 г. в РСФСР были приняты новый Уголовный кодекс, Закон о судостроительстве и Уголовно-процессуальный кодекс. В этих документах акцент делался на предупреждении, профилактике преступлений, следовании закону и «обнаружении по каждому уголовному делу истины» как одной из «важнейших целей советского уголовного процесса» (Новое проявление заботы..., 1960, с. 5–9). Проблема заключалась в том, что разработчики новых законов не все-

гда имели доступ к достоверной информации о картине преступности, уровень которой – реальный и регистрируемый – был разный [Лунеев, 1999, с. 407].

Состояние преступности: тенденции 1950-х гг. Проблема уменьшения масштабов уголовной преступности продолжала оставаться актуальной на протяжении всего «оттепельного» десятилетия. В первые послевоенные годы высокий уровень преступности в СССР был обусловлен двумя главными обстоятельствами – «криминальным эхом» войны и жесткими сталинскими практиками борьбы с правонарушениями, позволяющими относить к разряду «преступников» людей, совершивших незначительные и часто вынужденные правонарушения. И если вспышка преступности после войны была не только советским, но и мировым феноменом (по крайней мере, для затронутых войной стран), то жесткие репрессивные практики отражали советскую специфику. «Криминальное эхо» войны отзывалось еще и десятилетия спустя после ее окончания.

Вместе с тем за послевоенные годы «кривая» уровня уголовной преступности постепенно снижалась: речь идет о таких видах преступлений, как убийство, разбойное нападение, кража, изнасилование, хулиганство, мошенничество. В 1946 г. было учтено 606 186 этих видов преступлений, в 1952 г. – 246 850, в 1954 г. – 265 082 (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 27. Л. 58).

Правоохранительные органы были обеспокоены данными о социальном составе людей, привлеченных к уголовной ответственности. Категория лиц, «не занимающихся общественно полезным трудом», составила всего 8,6%, еще 22% пришлось на граждан, временно не работавших и не учившихся. Половина (50,2%) – это рабочие промышленных предприятий, транспорта, МТС, совхозов и т.д., 8,7% – колхозники, 3,6% – учащиеся, 2,2% – служащие, 3,9% – пенсионеры, домохозяйки, домработницы. Возрастной состав «уголовных преступников», т.е. признанных таковыми судом, был исключительно молодым – лица до 25 лет составили больше половины (56%), из них 12% приходилось на членов ВЛКСМ («На краю» советского общества ..., 2010, с. 168–170).

Отношение МВД к проблеме выбора методов контроля над преступностью и людьми, преступившими закон, стало меняться с приходом в 1956 г. на пост главы ведомства Н.П. Дудорова. Смена ориентиров происходила в контексте общих политических перемен, когда после XX съезда КПСС курс на либерализацию, наконец, обрел более четкие очертания. Немаловажную роль в этом сыграла и позиция Н.С. Хрущева, который в разговоре с Н.П. Дудоровым объявил преступников «советскими людьми», которым необходимо помочь реинтегрироваться в общество (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 4011. Л. 519).

В докладной записке, адресованной Председателю Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову, Н.П. Дудоров, характеризуя общее состояние борьбы с преступностью в 1957 г., отметил: «Во многих случаях к уголовной ответственности привлекаются лица за совершение явно малозначительных действий, не имеющих вредных общественно-опасных последствий, но формально подпадающих под признаки соответствующих статей уголовных кодексов. В результате этого в уголовном порядке наказывается много лиц, в отношении которых можно было бы не применять уголовный закон («На краю» советского общества ..., 2010, с. 203).

Дудоров был озабочен высоким уровнем преступности среди несовершеннолетних: около 50% привлеченных к уголовной ответственности в 1957 г. составляли дети и молодежь в возрасте от 12 до 25 лет. В Чусовском районе Пермской области 23-летний секретарь комсомольской организации строительной школы, будучи в нетрезвом виде, похитил из школы малокалиберную винтовку с патронами, из которой затем восемь человек убил и пятерых ранил («На краю» советского общества ..., 2010, с. 202–203).

В качестве главных факторов риска совершения преступлений министр назвал низкий культурный и образовательный уровень, пьянство, отсутствие досуга, проблемы с трудоустройством или учебной. Так, среди привлеченных к уголовной ответственности подростков 33,9% нигде не учились и не работали. Руководители предприятий под различными предлогами отказывали в приеме на работу и обучении юношей и девушек, в особенности не достигших 13-летнего возраста и имеющих право на сокращенный рабочий день. «Многие подростки, выйдя из-под влияния школы, оказавшись без дела, становятся на преступный путь», – считал Дудоров. По мнению руководителя МВД, применяемые к подросткам меры уголовного наказания за совершенные преступления путем осуждения их к лишению свободы с содержанием в местах

заклучения «в некоторых случаях являются нецелесообразными и не служат целям исправления и перевоспитания несовершеннолетних» («На краю» советского общества ..., 2010, с. 204). Он полагал, что дела о преступлениях, совершаемых детьми в возрасте 12–14 лет, следовало бы рассматривать в комиссиях исполкомов Советов депутатов трудящихся, направляя «в необходимых случаях» таких правонарушителей для исправления в специальные детские колонии.

Обращает на себя внимание тот факт, что министр, анализируя картину преступности в стране, сделал акцент на ее *социальных* причинах и несовершенстве законодательства. Это был, безусловно, новый подход в практике правоохранительных органов.

Преступность и общество. Иначе реагировали на проблему преступности обычные граждане. Радикальную позицию по этому вопросу заняли, например, сотрудники Института горного дела АН СССР. В коллективном письме на имя К.Е. Ворошилова (июль 1957 г.) они рисовали «широкие масштабы бандитизма» и выражали недовольство работой правоохранительных органов: «Милиция и органы прокуратуры, видимо, не в состоянии осуществлять эффективную борьбу с бандитизмом и некоторые работники, боясь мести со стороны распоясавшихся бандитов, либо выносят мягкие приговоры убийцам, либо проходят мимо фактов бандитизма» («На краю» советского общества ..., 2010, с. 184–185). Возмущение авторов письма вызвали слишком «мягкие», по их мнению, меры по отношению к преступникам: «Действующий уголовный кодекс недостаточно ограждает наши жизни от посягательств бандитов, наше имущество – от грабежей, нашу честь – от оскорблений хулиганов. Очень часто подонки общества получают за совершенные ими тяжчайших преступлений снисходительные приговоры, которые в процессе их исполнения смягчаются» (Там же, с. 184).

Риторика и аргументы авторов этого письма, по сути, воспроизводили стереотипы восприятия проблемы преступности 1930-х гг. Преступность презентировалась как проблема *политическая*, а не социальная («бандитизм наносит Советскому государству огромный политический ущерб»). Упоминалось о влиянии западных спецслужб («руки бандитов часто направляются иностранными разведками и действуют на пользу врагам нашей Родины»). Наконец, правонарушители идентифицировались как «враги народа»: «бандиты должны квалифицироваться как враги народа, кем по существу они и являются» (Там же, с. 184).

Согласно этой логике «врагам народа не должно быть пощады». Авторы письма требовали более широкого применения смертной казни (была введена в апреле 1954 г. за убийства при отягчающих обстоятельствах), привлечения армии для борьбы с преступностью и даже введения военно-полевых судов.

К.Е. Ворошилов счел это письмо заслуживающим внимания и направил его для комментариев и заключения заинтересованным ведомствам – МВД СССР, КГБ СССР, Верховному суду СССР, Прокуратуре СССР. Наиболее обстоятельную записку и анализ причин преступности представил Верховный суд СССР. Как и другие ведомства, он возражал против предложения о повышении мер наказания в уголовных кодексах и о более широком применении судами высшей меры наказания (смертной казни) по делам об убийствах. В 1954 г. за умышленное убийство было осуждено 6 841 чел., в 1956 г. – 8 585 чел. Судебная статистика свидетельствовала: после введения смертной казни за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и увеличения доли осужденных к высшей мере снижения числа этого вида преступлений не последовало («На краю» советского общества ..., 2010, с. 189). Не согласилась высшая судебная инстанция и с предложениями о привлечении армии к борьбе с преступностью и о создании специальных военно-полевых судов.

Рассуждая о причинах ухудшения криминальной ситуации, в том числе роста числа преступлений против личности, председатель Верховного суда СССР А.Ф. Горкин, как и министр МВД Н.П. Дудоров, предлагал рассматривать преступность как социальное явление и в этой связи обратить внимание на борьбу с пьянством, обеспечение занятости граждан (трудоустройство, учеба), особенно людей, освобожденных из заключения, и молодежи. Горкин сделал акцент не на наказании, а на *предупреждении преступлений* (превенции). По его мнению, с этой целью необходимо было сделать более открытой, гласной работу судов («На краю» советского общества ..., 2010, с. 190–191).

Линия на смягчение уголовного наказания за незначительные преступления, как и отказ от ужесточения репрессивной практики в целом, встречала сопротивление не только со сторо-

ны части общества, но и на системном уровне, когда против нового курса протестовали сотрудники правоохранительной сферы. Поэтому в практике работы судов продолжалось осуждение на длительные сроки заключения за незначительные правонарушения: в Архангельской области подсудимый был приговорен к пяти годам лишения свободы за кражу старого жестяного умывальника, в Ворошиловградской области человека приговорили к десяти годам лишения свободы за кражу толя на сумму в 47 руб. [Пыжиков, 2002, с. 237].

Размышляя о причинах сопротивления политике либерализации в сфере уголовного преследования, историк А.В. Пыжиков справедливо отмечал системную природу аппаратного противодействия новым веяниям, в том числе на субъективном уровне: на 1 января 1956 г. три четверти председателей областных и краевых судов, начальников региональных управлений Министерства юстиции проработали в этой системе свыше 10 лет, а значит, их формирование как юристов проходило в сталинский период [Пыжиков, 2002, с. 240].

Вместе с тем инициаторы и сторонники либерализации политики в сфере борьбы с преступностью являлись тоже «людьми системы» – хотя бы по причине отсутствия иных, по крайней мере, в сфере принятия решений. Тем интереснее попытки на политическом уровне изменить принципы разрешения проблемы преступности и отношение к людям, совершившим правонарушения. Главный вектор этих перемен определял переход от репрессий к профилактике, от наказания к превенции, от изоляции к реинтеграции бывших изгоев в социум.

Выступая на III съезде советских писателей в мае 1959 г., Хрущев довольно неожиданно для присутствующих обратился к теме борьбы с преступностью. Начав с того, что «у нас нет людей неисправимых», Хрущев зачитал обращенное к нему письмо человека, четыре раза осужденного за кражу. Первый секретарь встречался с автором письма. В личной беседе тот признался, что ему трудно найти работу, поскольку на него «смотрят как на вора». Отсюда проблемы с материальным обеспечением семьи, с жильем. Хрущев обещал помочь – и с работой, и с жильем, и действительно помог.

Сама по себе эта история напоминает рекламный ролик, каковым по сути и являлась, хотя рассказ Хрущева не был выдумкой [Добсон, 2014, с.164–168]. Вместе с тем, если оставить в стороне хрущевскую риторику о превращении бывшего вора-рецидивиста в «активного участника коммунистического строительства», то смысл истории становится очевидным: «для того, чтобы поставить этого человека на правильный путь, нужен другой подход» (Хрущев, 1959, 24 мая). Возможность *другого подхода* к человеку с судимостью и хотел продемонстрировать Хрущев.

Его выступление вызвало большой резонанс. На имя Хрущева в Совет министров, ЦК КПСС, редакцию «Правды», где была опубликована речь, потоком шли письма. Кто-то просто благодарил Хрущева («...слушая Ваше выступление на III съезде писателей, я был восхищен случаем перевоспитания вора-преступника»). Но чаще люди, оказавшиеся в сходной ситуации, рассказывали свои личные истории: бывших осужденных неохотно принимали на работу, им отказывали в прописке по прежнему месту жительства, принуждали выезжать из города вместе с семьей.

Пятого июля 1959 г. «Правда» опубликовала подборку таких писем под общим заголовком «Пробуждать в людях добрые чувства, воспитывать высокую сознательность строителей коммунизма». Потом этот материал в порядке «воспитательной работы» обсуждался в тюрьмах и колониях. Кампания носила исключительно организованный и пропагандистский характер, о чем свидетельствует в том числе содержание откликов:

«Веря нам, людям совершившим преступления, тем самым открывают нам доступ в светлый мир честных людей. Выступление газеты показало, что наши маленькие рядовые судьбы, наша дальнейшая жизнь не безразлична партии».

«Я десять раз судима и теперь поняла, что и для меня не все потеряно, честным трудом и примерным поведением я смогу добиться хорошего отношения к себе. После освобождения я буду хорошо трудиться» («На краю» советского общества ..., 2010, с. 219–220).

Однако «хорошо трудиться» после освобождения удавалось далеко не всем – не потому что не хотели, а в силу различных препон, с которыми приходилось иметь дело вышедшим на свободу людям с судимостью. Трудоустройство и получение прописки (регистрации) по-прежнему оставались одними из самых уязвимых мест в практике реинтеграции бывших «изго-

ев» в общество. По причине судимости людям часто отказывали в прописке по месту жительства семьи, а без прописки нельзя было устроиться на работу.

«Некоторые руководители вопреки указаниям Партии и Правительства, – сообщал в ЦК КПСС Н.П. Дудоров, – под разными предлогами отказываются принимать на работу бывших заключенных, объясняя это нежеланием "засорять" кадры подведомственных им учреждений и предприятий. Многие конторы, занимающиеся организованным набором рабочей силы, имеют от обслуживаемых ими организаций указание "судимых не принимать"» (ГУЛАГ..., 2000, с. 171).

С аналогичными претензиями в адрес руководителей предприятий и организаций выступало Главное управление милиции. Конторы оргнабора рабочей силы неохотно использовали освобожденных из ИТЛ для трудоустройства. Их вербовали иногда, но почти всегда в качестве разнорабочих, в том числе людей со специальным образованием – квалифицированных инженеров, экономистов, бухгалтеров и т.д. Предлоги при отказе в трудоустройстве использовались разные, но не слишком оригинальные: нет в паспортах прописки и выписки, нет трудовой книжки, нет справки с прежнего места работы и т.п. Более того, эти «предлоги» были узаконены Главным управлением организованного набора рабочей силы при Совете Министров РСФСР в специально изданной инструкции. Некоторые руководители отказывались принимать на работу бывших эков без всяких предлогов. Так, управляющий трестом Комилес министерства легкой промышленности Хахалов прислал в контору по оргнабору телеграмму с требованием: «судимых не вербовать, а присылать только жителей сельской местности – не судимых» («На краю» советского общества ..., 2010, с. 210).

«Оказавшись в положении "ненужных людей", – следовал вывод руководства Главного управления милиции, – многие освобожденные из мест заключения для того, чтобы как-нибудь существовать, ведут бродячий образ жизни, нарушают паспортный закон, а часть неустойчивых вновь становится на путь уголовных преступлений» («На краю» советского общества ..., 2010, с. 210).

В 1969 г. Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР подготовил аналитическую справку, на основании которой можно судить о результатах контроля над преступностью в период «оттепели». Данные судебной статистики свидетельствовали о том, что уровень преступности, хотя и волнообразно, но непрерывно снижался. В 1958 г., т.е. еще до принятия новых уголовных кодексов, было осуждено 1300255 чел., в предвоенном 1940 г. – 1239077 чел. Вместе с тем коэффициент осужденных (в расчете на 100 тыс. населения) уже был ниже довоенного – соответственно 650 и 538 чел. Самые значительные перемены произошли после 1959 г. – после либерализации уголовного законодательства и передачи части правонарушений в сферу не уголовной, а административной ответственности. Одновременно часть функций по «перевоспитанию» правонарушителей была делегирована так называемой общественности – ими должны были заниматься товарищеские суды и производственные коллективы (передача «на поруки»). В результате в 1960 г. количество осужденных снизилось до рекордного уровня – 789621 чел. В этом показателе учитывались в том числе лица, переданные под ответственность общественности. Однако уже в 1962 г. дал новую вспышку преступности – 1034112 осужденных. Эксперты объясняли этот феномен чрезмерным увлечением мерами «общественного воздействия» и впоследствии усилением государственного контроля над преступностью. В 1965 г. «баланс» был снова достигнут: 798969 осужденных при коэффициенте 349 – самый низкий показатель уровня преступности за всю предшествующую советскую историю (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 27. Л. 56 – 57) [Лунеев, 1999, с. 63]

Значительные перемены произошли в структуре судимости. Снижился удельный вес осужденных за «государственные преступления». Их доля в общем числе осужденных составляла в 1946 г. 9,1%, в 1951 г. – 6,1%, в 1956 г. – 2,3%, в 1961 г. – 0,4%, в 1966 г. – 0,2%. Существенно уменьшилось количество «преступлений против личности»: в 1927 г. на долю осужденных по этим статьям приходилось 35,6%, в 1966 г. – 14,6%. На снижении удельного веса осужденных по этой категории правонарушений сказались отмена уголовной ответственности за производство аборт и передача значительной доли дел из народных судов в товарищеские суды (около 5-6% дел). В результате мер, принятых МВД в середине 1950-х гг., по ликвидации

профессиональной преступности [Elie, 2009, p. 492 –512], этот слой среди осужденных значительно уменьшился. Эксперты были в оценках осторожны, но подтверждали свои выводы косвенными показателями: в 1967 г. в составе осужденных было только 3% лиц, имевших три и более судимости (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 27. Л. 61). Эти показатели служили основанием для утверждения, что в СССР «совершенно отсутствует организованная преступность» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 27. Л. 62).

Потом выяснится, что этот вывод, в целом отражающий ситуацию середины 1960-х гг., был излишне оптимистичным.

Отмечая положительные сдвиги в общей динамике преступности, эксперты фиксировали ее негативные тенденции: в течение всего послевоенного периода и до 1966 г. наблюдалось увеличение числа умышленных убийств, тяжких телесных повреждений, изнасилований. В 1966 г. был зарегистрирован самый высокий за весь послевоенный период уровень судимости за разбои, грабежи, изнасилования, тяжкие телесные повреждения. В 1961 г. за изнасилование при отягчающих обстоятельствах была санкционирована смертная казнь, что, однако, как и в случае ужесточения наказания за умышленные убийства, не привело к сокращению числа преступлений.

Анализируя данные статистики по особо опасным видам преступлений против личности, эксперты вынуждены были признать, что предусмотренные законом меры наказания «не обеспечивают не только сокращения, но даже сколько-нибудь устойчивой стабилизации масштабов того явления, против которого они направлены». Далее следовал вывод: «Возникает убеждение, что мероприятия по усилению репрессий сами по себе оказываются неэффективными в смысле предупреждения и ликвидации преступности». Авторы документа настаивали: «Чрезмерное выпячивание роли правовых мер и правовых учреждений в деле ликвидации преступности неизбежно приводит к тому, что ослабевает внимание к изучению сложной системы социальных причин антиобщественных явлений. Переоценка репрессии и ее возможностей, как правило, уводит в сторону от решения тех социальных проблем, с которыми действительно связана ликвидация преступности в нашей стране» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 27. Л. 67 – 68).

Один из наиболее динамичных этапов трансформации системы социального контроля в СССР, в том числе контроля над преступностью, пришелся на период «оттепели», когда либерализация затронула и эту сферу. После 1953 г. в уголовной политике обозначились новые тенденции: несмотря на рост криминальной активности, происходит деполитизация значительной части правонарушений, акцент делается на анализе социальных причин преступности и превенции как основном методе преодоления социальных аномалий, часть функций контроля над преступностью из исключительной прерогативы государства переходит в зону ответственности «общественности». Новые тренды требовали соответствующего нормативного обеспечения, в том числе создания новых уголовных кодексов.

Политика изоляции социальных маргиналов сменяется стремлением инкорпорировать их в «основное» общество, однако практически отсутствовала продуманная система адаптационных стратегий для людей с судимостью: после освобождения многие из них не могли вернуться на прежнее место жительства, получить работу и регистрацию (прописку), несмотря на то, что официально прежние ограничения были отменены. В данном случае речь шла не только об инерции предшествующей традиции или о позиции властных структур, но и о «сопротивлении менталитета», когда социальное окружение («общество») оказалось неготовым инкорпорировать аутсайдеров.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–8131. Оп. 32. Д. 5071. Л. 6–13; Д. 4011. Л. 519; Д. 5072. Л. 50.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 61. Д. 27. Л. 56–68. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2000. 888 с.

На «краю» советского общества: Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг.: Док. / сост. Е.Ю. Зубкова, Т.Ю. Жукова. М.: РОССПЭН, 2010. 816 с.

Новое проявление заботы об укреплении социалистической законности // Советская юстиция. 1960. № 15–16. С. 5–9.

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза ССР. 1924. N 24. Ст. 204. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2237.htm (дата обращения: 12.07.2020).

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. 1958 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5358.htm (дата обращения: 12.07.2020).

Советская социалистическая законность неприкосновенна // Правда. 1953. 6 апр.

Хрущев Н.С. Служение народу – высокое призвание советских писателей: Речь на III съезде писателей 22 мая 1959 г. // Правда. 1959. 24 мая.

Библиографический список

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 520 с.

Гилинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Рос. ежегодник уголовного права. 2013. №. 7. С. 42–58. URL: <https://www.iauaj.net/node/1702/> (дата обращения: 15.07.2020).

Добсон М. Холодное лето Хрущева: Возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М.: Полит. энциклопедия, 2014. 295 с.

Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе: 1953 – начало 1980-х гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 413 с.

Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Крига; Победа, 2015. 484 с.

Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: НОРМА, 1999. 516 с.

Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 511 с.

Пыжиков А.В. Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 103–110.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998. 404 с.

Ширер Д. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе. 1924–1953 гг. М.: Полит. энциклопедия, 2014. 543 с.

Эли М. Слух о бандитском разгуле в 1953—1954 гг. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории : Сб. статей / под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 146–167.

Яцук Т.Ф. Деятельность Юридической комиссии при Совете Министров СССР по систематизации законодательства // Genesis: Ист. исследования. 2019. № 6. С. 89–102.

Adler N. The Gulag Survivor: Beyond the Soviet System. New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. 290 p.

Gorlizki Y. Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect // The American Journal of Comparative Law. 1998. 48, № 3. P. 403–425.

Gorlizki Y. De-Stalinization and the Politics of Russian Criminal Justice, 1953–1964. D.Phil. Thesis. Oxford, 1992. 730 p.

Elie M. Banditen und Juristen im Tauwetter GULAG-Reform, kriminelle Gegenkultur und kriminologische Expertise // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2009. H. 4 (57). S. 492–512.

Elie M. Khrushchev's Gulag: the Soviet Penitentiary System after Stalin's death, 1953-1964 // The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960 / eds. D. Kozlov, E Gilburd. Toronto: Toronto University Press, 2013. P.109–142.

Lapierre B. Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw. Madison: University of Wisconsin Press, 2012. 281 p.

Matsudo K. Obshchestvennost' in the Struggle against Crimes: The Case of People's Vigilante Brigades in the Late 1950s and 1960s // Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 152–170.

Sprau M. Kolyma nach dem GULAG: Entstalinisierung im Magadaner Gebiet 1953–1960. Berlin: De Gruyter Oldenburg, 2018. 408 S.

Дата поступления рукописи в редакцию 02.09.2020

NORMS AND PRACTICES OF THE CONTROL OVER CRIMINAL OFFENCES IN THE USSR: TENDENCIES OF THE “THAW”

E. Yu. Zubkova

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia
elena.zubkova@mail.ru

State policy towards asocial conduct, including breach of law and crime, had been evolving through Soviet history. Until the mid-1950s, the main vector was repressive, with the isolation of people from the society. Repressive practices, including a harsh penal code, sometimes served as a reaction to a real aggravation of the crime situation, for instance, after World War Two. However, more often the authorities and law enforcement institutions acted out of inertia, lacking experience of other methods and believing in the preventive effect of harsh measures. Against this background, the experiments of the early “Thaw” are especially interesting: the creation of new norms and practices of social control corresponded to the changing format of relations between the state and society, on the one hand, and the marginal groups, on the other. The turn in criminal policy took place after 1953 despite the spike of criminal activities. Considerable part of cases became depoliticized; emphasis shifted to the analysis of social causes of crime; the policy of isolating socially marginal groups gave way to attempts to incorporate them into “main” society. New trends required corresponding normative base, which was actively developed in that period (the work on new penal codes). This article considers the problem of criminality in the context of changing norms and practices of social control during the Thaw. This study is methodologically synthetic; it allows to combine the historiographical tradition of research of crime in the USSR and the analysis of crime in contemporary criminology, deviantology, and sociology.

Key words: crime control policies, social control, inclusion/exclusion, outsiders, public opinion.

References

- Adler, N. (2002), *The Gulag Survivor: Beyond the Soviet System*, Transaction Publishers, New Brunswick, N.J., USA, 290 p.
- Dobson, M. (2014), *Kholodnoe leto Khrushcheva. Vozvrashchenztsy iz GULAGa i trudnaya sud'ba reform v Rossii* [Khrushchev's cold summer. gulag returnees, crime and the fate of reform after Stalin], ROSSPEN, Moscow, Russia, 295 p.
- Elie, M. (2009) “Banditen und Juristen im Tauwetter GULAG-Reform, kriminelle Gegenkultur und kriminologische Expertise“, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, № 4 (57), pp. 492–512.
- Elie, M. (2013), “Khrushchev's Gulag: The Soviet Penitentiary System after Stalin's death, 1953–1964”, in Kozlov, D. & E. Gilburd (eds.), *The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s*, Toronto University Press, Toronto, Canada, pp.109–142.
- Eli, M. (2011), “Rumor about bandit revelry in 1953–1954”, in Narskiy, I.V. (ed.), *Slukhi v Rossii XIX-XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i «krutye povoroty» rossiyskoy istorii* [Rumors in Russia in the 19th-20th centuries. Informal communication and "abrupt turns" in Russian history], Kamennyy poyas, Chelyabinsk, Russia, pp. 146–167.
- Gilinskiy, Ya.I. (2004), *Deviantlogiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh «otkloneniy»* [Deviantology: the sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations"], Yuridicheskiy Tsentr Press, St. Petersburg, Russia, 520 p.
- Gilinskiy, Ya.I. (2013), “Social control over crime: concept, Russian reality, prospects”, *Rossiyskiy ezhegodnik ugolovnoogo prava*, №. 7, pp. 42–58, available at: <http://www.iuaj.net/node/1702> (accessed 15.07.2020).
- Gorlizki, Y. (1998), “Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect”, *The American Journal of Comparative Law*, № 3 (48), pp. 403–425.
- Gorlizki, Y. (1992), *De-Stalinization and the Politics of Russian Criminal Justice, 1953–1964*, D.Phil. Thesis, Oxford, UK, 730 p.
- Kozlov, V.A. (1999), *Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve: 1953 – nachalo 1980-kh gg.* [Riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev: 1953 – early 1980s], Sibirskiy khoronograf, Novosibirsk, Russia, 413 p.
- Lapierre, B. (2012), *Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw*, University of Wisconsin Press, Madison, USA, 281 p.
- Lebina, N.B. (2015), *Povsednevost' epokhi kosmosa i kukuruzy. Destruktsiya bol'shogo stilya: Leningrad, 1950–1960-e gody* [The everyday life in the era of space and corn. Destruction of a big style: Leningrad, the 1950s – 1960s], Kriga, St. Petersburg, Russia, 284 p.

- Luneev, V.V. (1999), *Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossiyskie tendentsii* [Crime in the 20th century. World, regional and Russian trends], NORMA, Moscow, Russia, 516 p.
- Matsudo, K. (2015), "Obshchestvennost' in the Struggle against Crimes: The Case of People's Vigilante Brigades in the Late 1950s and 1960s", in *Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 152–170.
- Pyzhikov, A.V. (2002), *Khurushchevskaya "ottepel'"* [Khrushchev's "thaw"], OLMA-Press, Moscow, Russia, 511 p.
- Pyzhikov, A.V. (2006), "Khrushchev experiments in the field of law enforcement (late 1950s – early 1960s)", *Voprosy istorii*, № 4, pp. 103–110.
- Shearer, D. (2014), *Stalinskiy voennyi sotsializm. Repressii i obshhestvennyy poryadok v Sovetskom Soyuze. 1924–1953 gg.* [Policing Stalin's socialism. Repression and social order in the Soviet Union, 1924–1953], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 543 p.
- Solomon, P. (1998), *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet criminal justice under Stalin], ROSSPEN, Moscow, Russia, 404 p.
- Sprau, M. (2018), *Kolyma nach dem GULAG: Entstalinisierung im Magadaner Gebiet 1953–1960*, De Gruyter Oldenburg, Berlin, Germany, 408 p.
- Yashchyuk, T.F. (2019), "Activities of the Legal Commission of the Council of Ministers of the USSR to systematize of the legislation", *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, № 6, pp. 89–102.